

СООТНОШЕНИЕ БИМЕДИЦИНСКИХ И ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ В МОРАЛЬНОМ СОЗНАНИИ БЕЛОРУССКИХ СТУДЕНТОВ

Аннотация: Экологическая этика считает главной ценностью жизнь, в том числе жизнь человека как живого существа. Биомедицинская этика защищает человека как личность, обладающую свободой выбора. Иногда ценности биомедицинской и экологической этики вступают в конфликт в моральном сознании. Так белорусские студенты с экоцентрическим мировоззрением легко одобряют эвтаназию, аборт и избавление от неполноценного плода. Они негативно относятся к экспериментам на людях вопреки их воле, несправедливому распределению медицинской помощи, ко всему, что посягает на права и свободу личности.

The ecological ethics considers that life is the main value, including life of the person as living being. Biomedicine ethics protects the person as personality, possessing liberty of the choice. Sometimes values of biomedicine and ecological ethics come into conflict in moral consciousness. So belorussian students with ecological world outlook easy approve an euthanasia, abortions and deliverance from defective fruit. They negative pertain to experiment on folk notwithstanding their will, to unjust distribution of medical help, to the whole that infringes upon right and liberty to personalities.

Ключевые слова: биомедицинская этика, экологическая этика, экоцентризм, эвтаназия, аборт, клонирование

Экологическая этика стала возможной благодаря появлению новой антропологии, в которой место человека в мире и его статус среди других существ был пересмотрен. «Экологический гуманизм основан на принципе гармонии человека и природы и признании равноценности всего живого» [2, с. 165]. Основной идеей биомедицинской этики также является благоговейное отношение к Живому [1, с. 3]. Внутреннее родство и определенная общность происхождения обуславливает существование общего проблемного поля этих дисциплин.

Экологическая этика пересмотрела не только традиционное отношение к природе и животным, но и к людям. Если прежде обязательность нравственного отношения к человеку определялась его личностным и духовным статусом, то теперь обосновывается необходимость нравственного отношения к человеку именно как живому существу. Такая постановка проблемы актуализировалась также под

влиянием развития биологии и медицины, успехи которых породили этическую неоднозначность многих вновь возникающих ситуаций, разрешение которых является предметом биомедицинской этики. В таких конфликтах права человека как личности сталкиваются с правами человека как живого существа. Так, например, при решении проблемы аборта сталкиваются право человека на то, чтобы распоряжаться своим телом, и право зародыша на жизнь, на то, чтобы тоже стать человеком. При обсуждении проблемы эвтаназии вступает в конфликт право человека распоряжаться своей судьбой и нравственная обязанность всеми силами сохранять жизнь.

Несмотря на то, что биомедицинская этика, как и экоэтика, призвана заботиться об экологии человека, в нашем обществе проблемы в этой сфере решаются зачастую совсем не на экоцентрических этических основаниях, проблемы биомедицинской этики слабо ассоциируются с экологической этикой. Экология человека, защита его не в качестве личности и социального субъекта, а в качестве живого существа до сих пор не слишком популярна. Это связано с общей мировоззренческой установкой нашего общества, воспитанной великой русской литературой и православной духовностью, согласно которой человек – это, прежде всего, личность, «душа божья», но никак не тело. С этой точки зрения живым тело делается благодаря душе, поэтому человек жив, пока жива его душа, именно душу надо беречь. Охрана же человека в ряду других живых существ, независимо от степени их одушевленности – идея новая и не до конца понятная обыденному сознанию.

Соотношение экологической и биомедицинской этики является не только внутренней теоретической проблемой этического знания, но и содержательной проблемой морального сознания наших современников. О состоянии экологической культуры современной белорусской молодежи можно было бы судить по результатам социологических опросов. Однако диагностика экологической культуры проводится в Беларуси, в основном, среди школьников и дошкольников [3; 4], и только редкие исследования охватывают население республики в целом [5], поэтому любой конкретно-социологический материал по данной проблеме представляет интерес.

В 2008 году на базе Белорусского государственного университета (БГУ) и Международного государственного экологического университета им. А.Д.Сахарова (МГЭУ) было проведено социологическое исследование, экологической культуры молодежи. Всего было опрошено 354 студента первого–второго курсов, обучающихся на четырех факультетах различного профиля: гуманитарного, технического, медицинского и экологического. В дальнейшем условно студенты факультета радиоп физики и электроники БГУ называются радиоп физиками; студены филологического факультета БГУ – филологами; студенты факультета экологической медицины МГЭУ

– медиками, и студенты факультета мониторинга окружающей среды МГЭУ – экологами.

Материалы опроса показали, что экологические и биомедицинские проблемы молодые люди понимают, исходя из разных мировоззренческих оснований. Группы опрошенных, занимавшие противоположные позиции по экологическим проблемам (экоцентристы и антропоцентристы, с высокой и с низкой экологической самооценкой) проявили странную солидарность при решении биомедицинских проблем. Независимо от своей экологической культуры, большинство студентов руководствовались стереотипами, отражающими общий уровень нравственности общества.

На вопросу о том, может ли дальнейшее развитие медицины и биологии привести к отрицательным последствиям для экологии человека, наиболее популярным оказалось агностическое высказывание – «никто не может знать точно» – почти 40% опрошенных. Эта цифра – свидетельство растерянности не только молодых людей, но, пожалуй, и человечества в целом перед лицом собственных достижений. Среди оставшихся 60%, оптимистов несколько больше, чем пессимистов: 38% сочли, что отрицательных последствий от развития медицины и биологии не будет, если человек будет контролировать применение своих достижений; а 22% думают, что такое развитие может нести угрозу прекращения разумной жизни на Земле из-за нарушения хода естественных процессов. Оптимисты – это те, кто верит в силу экологической этики и предполагает, что нравственно-правовое регулирование научных исследований способно предотвратить наступление негативных последствий от них.

Наибольшие опасения относительно последствий развития медико-биологических исследований не случайно выразили медики (27%), а наименьшую – около 15% – радиофизики. Также радиофизики высказали наибольший оптимизм (50%) в отношении возможности предотвращать негативные последствия научных достижений. Возможно, это происходит потому, что студенты-компьютерщики позитивно оценивают достижения в собственной профессиональной сфере, их экологический вред не столь очевиден, а с опасностями медико-биологических исследований они не слишком знакомы.

Весьма колоритна позиция студентов-экологов, среди которых более половины считают, что последствий бурного развития биомедицинских исследований «никто не может знать точно». Они меньше, чем кто бы то ни было склонны верить, что этико-правовое регулирование способно предотвратить негативные последствия их деятельности. Приведенные данные обнадеживают лишь в том отношении, что будущие экологи явно осознают этическую проблематичность профессиональных достижений современной науки. Минусом является растерянность сознания, дефицит позитивных альтернатив возникающим угрозам и методов практического их предотвращения.

Ответы на вопрос о том, могут ли при проведении медико-биологических исследований интересы общества быть выше интересов отдельного человека, распределились в равных пропорциях между следующими позициями: да, такое вполне может случиться; нет, это противоречит принципам гуманизма; могут, если польза для общества будет значительно больше, чем ущерб интересам отдельной личности. Таким образом, одна треть молодых людей оправдывает исследования, проводимые в ущерб личности, еще треть готова смириться с ними как фактом и лишь треть занимает гуманистическую позицию. На распределение ответов, по-видимому, наложил отпечаток печальный опыт XX века, когда ни ученые, ни политики не останавливались перед экспериментами на людях и другими ущемлениями прав отдельных лиц, оправдывая это «интересами науки», «интересами государства», «благом всего человечества» и т.п. Подобная аргументация прочно укоренилась не только в сознании, но, кажется, в подсознании наших молодых людей. И только одна треть их находит силы отстаивать альтернативную позицию, основанную на концепции прав человека: интересы личности не могут нарушаться в угоду сообществам и абстрактным идеям. В ответах по данной теме сказывается дефицит общей этической культуры нашего общества, в котором лозунг «цель оправдывает средства» всегда был слишком популярен как в теории, так и в социальной практике.

Развитие современной медицины и фармакологии зачастую предполагает исследования с участием человека. Гуманистическая позиция, которую заняли две трети студентов, состоит в том, что биомедицинские эксперименты на людях можно проводить только при значительном перевесе предполагаемой пользы над риском для испытуемых. Тех же, кто ради будущего блага готов пойти на риск даже при минимальных шансах на успех, оказалось одна пятая. Самыми «рисковыми» оказались экологи, а самыми традиционными – филологи. Остальные осторожно высказались в том смысле, что «никто не может предвидеть результата, поэтому лучше об этом не думать». Характерно, что среди медиков почти не нашлось людей, трусливо закрывающих глаза на проблему, так как выработка позиции по этому вопросу стала их профессиональным долгом. Другое дело, что проявлять гуманизм к испытуемым склонен 71% опрошенных медиков, но 24% согласны рисковать здоровьем и жизнью людей, задействованных в эксперименте, что не может не настораживать.

В биомедицинской этике является нормой, что очередность предоставления медицинской помощи зависит от тяжести и характера заболевания, а не от социального статуса пациента. Подавляющее большинство (68% в среднем и 80% у филологов) наших студентов придерживаются классической гуманистической установки: все люди равны. Поэтому медицинские манипуляции (например, срочная операция

или пересадка органов) должны проводиться по жизненным показаниям, невзирая на социальный статус человека, уровень его общественной полезности и заслуг. Только 6% недемократично считают, что общество должно в первую очередь заботиться о наиболее ценных гражданах. Остальные полагают, что все зависит от ситуации. Такая позиция, которую занимают до одной трети радиофизиков и экологов, свидетельствует о неустойчивости этического сознания, стремлении уйти от проблемы, не задумываться над критериями ее решения.

По вопросу об аборте и других медицинских вмешательствах в репродукцию человека большинство (72%) придерживается либеральной позиции, согласно которой «все это – личное дело человека, и он вправе распоряжаться своим телом». Только 7,4% выступают против контрацепции, искусственного оплодотворения и прочих новых репродуктивных технологий, но 20,5% считают аморальным аборт (филологи – 25%, а медики – только 15%). Понятно, что медики, сами задействованные при абортах, менее других осуждают эту практику. Эти данные с очевидностью показывают, что принцип «благоговения перед жизнью», который в экологической части анкеты большинству респондентов представлялся важным, не имеет в этом случае никакого практического значения. Благоговение перед жизнью вообще в сознании студентов как будто никак не связано с благоговением перед конкретной потенциальной человеческой жизнью. Экоцентрическая позиция в вопросе о защите прав животных удивительным образом не распространяется на права человеческого зародыша. Господствующей оказывается, если не эгоистическая, то утилитаристская позиция по вопросу. Слабое осуждение абортов в нашем обществе, склонность считать эту проблему «технической» и вообще выносить за рамки морали, подтверждается и другими исследованиями. [6, с. 159].

Экологическая самооценка парадоксально сказывается на отношении к абортам: чем она ниже, тем больше степень его осуждения. Студенты с высокой самооценкой вовсе не осуждают контрацепцию, искусственное оплодотворение и прочие новые репродуктивные технологии. И поскольку в других вопросах самооценка молодежи выглядит как адекватная, то позицию «лучших» можно рассматривать как господствующую общественную тенденцию. Она состоит в том, что современная нравственность не только не осуждает абORTы и прочие эксперименты в области репродукции человека, но запрещает их осуждать. Люди, которые активно высказываются за спасение жизни животных, полагают, что со своей, человеческой жизнью, каждый волен делать все, что угодно.

Еще один вопрос биомедицинской этики, порожденный возможностями пренатальной диагностики, состоит в том, что следует делать в случае обнаружения на стадии беременности возможных физических или психических отклонений у будущего плода. Для половины

молодых людей проблема оказалась неразрешимой: «это слишком ответственное решение, я не знаю». Одна треть полагает, что будущей матери из соображений гуманности следует избавиться от неполноценного ребенка. И только 17% настаивают на том, что следует сохранить жизнь плода, поскольку она принадлежит ему, и никто не имеет права решать за него. Позиция молодых людей по данной проблеме определяется, скорее, профессией и полом опрошенных, а не экоцентрической мировоззренческой установкой, что еще раз показывает: решение биомедицинских проблем не осуществляется на платформе экоэтики.

Среди медиков не треть, а более половины считают, что от потенциально неполноценного ребенка надо избавляться, они существенно реже, чем все прочие категории опрошенных, затрудняются в этом вопросе. По-видимому, это объясняется тем, что они доверяют собственным профессиональным суждениям и хорошо представляют, что такое «неполноценность» ребенка на практике. Чем меньше у человека медицинских знаний, тем больше он склонен проявлять «абстрактный гуманизм»: только пятая часть филологов согласны, что потенциальные отклонения у плода – повод для избавления от него.

Удивительно, что меньше прочих склонны избавляться от неполноценного плода студенты с низким уровнем экологической самооценки и затруднившиеся ответить. И только один студент с «высокой» экологической культурой согласился с необходимостью сохранить такой плод. Это в очередной раз показывает, что общая экологическая установка никак не срабатывает в отношении экологии человека.

Вопрос о трансплантации органов разделил всех опрошенных на три примерно равные группы. Одни полагают, что необходимо ограничить забор и использование органов от живых доноров при трансплантации, так как это может сделать их предметом купли-продажи. Другие не хотели бы таких ограничений, так как это сделает невозможным добровольное «дарение» органов своим близким. И треть затрудняется ответить. За ограничения в области трансплантологии активно голосовали медики (42%), вероятно, они более других представляют себе возможные масштабы такой практики и «страхуются» от негативных последствий. Прочие же думают о своих близких и обмене органами с ними, а не об общей практике в обществе. В этом вопросе экологическая самооценка студентов сказывается очень сильно: лица с высокой самооценкой в пять раз чаще, чем с низкой, высказывали желание ограничить практику забора органов.

Очередной вопрос из арсенала биомедицинской этики – эвтаназия. Расценивать ли ее как реализацию права человека на смерть и как гуманную помощь умирающему, или эвтаназия – это прерывание Жизни, а потому должна быть отвергнута, как и всякое убийство? К сожалению, в

нашем общественном сознании проблема эвтанази́и рассматривается зачастую не в моральном, а в психологическом и даже экономическом ключе: безнадежно больной человек сам не живет полноценной жизнью и не дает жить своим родным, на поддержание угасающей жизни тратятся средства, которые могли бы пойти на улучшение здоровья жизнеспособных членов общества. Не удивительно, что половина молодых людей легко соглашается с тем, что эвтаназия – это возможность для умирающего человека избавиться от страданий. Только 12% понимают, что эвтаназия может стать легальной формой убийства и самоубийства, является потворством слабоволию и лазейкой для преступности. В этом случае на результаты опроса, вероятно, влияет не столько экологическое мировоззрение, сколько возраст. С юношеской жестокостью студенты мыслят эвтанази́ю применительно не столько к себе, сколько к абстрактным «безнадежно больным», возиться с которыми им не хочется.

Клонирование человека еще не стало реальностью, но нравственные его последствия уже активно обсуждаются. С одной стороны, клонирование свидетельствует о прогрессе науки, оно позволило бы воспроизвести выдающихся людей или просто близких. С другой, это покушение на человеческую индивидуальность и неповторимость, опасность тиражирования злодеев или олигархов. В нашем опросе разбежка мнений по данному вопросу оказалась очень большой. «За» клонирование высказалось 27% радиофизиков, у которых опыт работы с виртуальной реальностью порождает желание поиграть с любой подвернувшейся возможностью. Они больше других отдают себе отчет в неизбежности изменения биологических форм существования человека и смелее пойдут на любой эксперимент, им просто любопытно. Но только 6% экологов отозвались о клонировании позитивно, они, вероятно, глубже продумывают последствия, поэтому безоглядных экспериментаторов среди них немного. Против клонирования опять-таки наиболее активно выступили медики (71%), при этом они практически не затрудняются с ответом на вопрос. Возможность выращивать методом клонирования органы и ткани для пересадки не кажется им той целью, ради которой стоит рисковать непредсказуемыми последствиями.

Если посмотреть на дело шире и задаться вопросом, является ли современная форма биологического существования человека (конечность жизни, способ размножения, форма получения энергии в виде потребления пищи и т.д.) обязательной и в будущем для человеческой цивилизации, то нравственные аспекты такой перспективы, несомненно, подлежат обсуждению. Большинство наших респондентов (61%) полагает, что современная форма существования человека определяется необходимыми законами природы; а 31% считает, что человечество может и должно позаботиться о своем биологическом усовершенствовании. При этом филологи и медики более консервативны в отношении грядущей

антропологии, экологическая этика в их представлении должна охранять современную форму биологического существования человека. Радиопизики же и экологи считают, что процесс неизбежен, изменение биологии человека произойдет и надо придать этому процессу статус самосовершенствования, а не разрушения всех ценностей.

Чем выше уровень экологической самооценки студентов, тем большей популярностью пользуется среди них тезис о том, что современная биологическая форма существования человека определена неизбежными законами природы. Закономерно, что экологически ориентированные личности привержены и экологии человека, охране его естественного статуса.

В целом при рассмотрении биомедицинских проблем экоцентрическая мировоззренческая установка, которая декларировалась большинством молодых людей, практически не сказывается. Те, кто призывал защищать жизнь вообще, легко одобрили эвтаназию, аборт и избавление от неполноценного плода. Человек продолжает считать себя «особым животным» и настаивает на своем праве перекраивать свое тело и свою жизнь в соответствии с собственными, пусть и вредными для себя, представлениями. Если сохранение жизни вступает в конфликт с правами личности, молодые люди склонны рисковать жизнью других людей (при экспериментах, трансплантации) и человечества в целом (клонирование, изменение форм биологического существования) ради сохранения свободы поиска и самовыражения этой личности. Причина такой позиции не столько в недостаточности экологического образования, система которого развернута в Республике Беларусь [7], но и в определенных противоречиях между идеями биомедицинской и экологической этики, разрешение которых является насущной теоретической задачей.

Литература

1. Биомедицинская этика : Учеб. пособие / Т. В. Мишаткина, Э. А. Фонотова, С. Д. Денисов и др. ; Под общ. ред. Т. В. Мишаткиной, С. Д. Денисова, Я. С. Яскевич. – Минск : ТетраСистемс, 2003. – 320 с.
2. Горелов, А. А. Экология: конспект лекций / А. А. Горелов. – М. : Высшее образование, 2008. – 191 с.
3. Диагностика экологической воспитанности детей дошкольного возраста : Пособие для педагогов дошкольных учреждений / [авт.-сост. В. С. Варивода]. – 2-е изд. – Мозырь : Белый ветер, 2006. – 40 с.
4. Кашлев, С. С. Диагностика экологической культуры : Пособие для учителей и воспитателей общеобразовательных учреждений / С. С. Кашлев. – Минск : Беларусь, 2003. – 93 с.
5. Онуприенко, С. П. Формирование экологических ценностей у населения Беларуси (социально-культурный анализ) : автореф. дис. ...д-ра

филос. наук : 09.00.11 / С. П. Онуприенко; Ин-т философии и права НАН РБ. – Минск, 1998. – 32 с.

6. Титаренко, Л. Г. Ценностный мир современного белорусского общества: гендерный аспект / Л. Г. Титаренко. – Минск : Изд-во БГУ, 2004. – 205 с.

7. Экологическая культура и образование: опыт России и Беларуси / Под ред. С. Н. Глазачева, В. И. Данилова–Данильяна, И. И. Мазура, В. Ф. Логинова. – М. : Б. и., 2000. – 614 с.